

У 208
574

НОВГОРОДСКІЙ

ЮРЬЕВЪ

МОНАСТЫРЬ

По описанію А. Н. Муравьева.

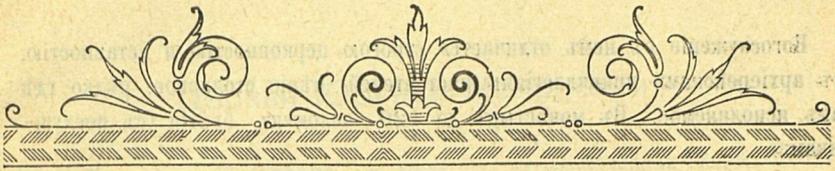
XX - 1135A

НОВГОРОДЪ

Типографія М. О. Селиванова, Петербургская улица, домъ Стальнова.

1908.

Новгородскій

Юрьевъ Монастырь.

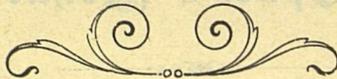
Обитель св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія или **Юрьевъ монастырь**—находится на лѣвомъ берегу р. Волхова, при истокѣ его изъ озера Ильменя. Основанъ въ 1030 году **Ярославомъ—Георгіемъ**, Кіевскимъ Великимъ Княземъ, а главный соборъ его—въ 1119 году **Всеволодомъ**, внукомъ Мономаха.

Главныя святыни Обители: 1) Храмовая, очень древняя икона Св. Великомученика **Георгія**, греческаго письма (3 арш. 7 в.×2 арш.), богато украшена серебropозлащенною ризою (вѣсомъ 3 пуд. 27 ф.), усыпанною драгоценными камнями и удивительной величины жемчужинами; и 2) Св. Мощи Святителя **Феокиста**, Архіепископа Новгородскаго, сконч. 1308 года, 23 Декабря. Съ 1786 года почиваютъ въ Юрьевѣ Монастырѣ, перенесенныя сюда изъ упраздненнаго Благовѣщенскаго Монастыря, въ богатой серебropозлащенной рацѣ, вѣсомъ 8 пуд. 5 ф. 36 зол.

Пришедшій къ началу прошлаго столѣтія въ крайнее запустѣніе отъ пожаровъ и опустошеній, монастырь богато возобновленъ и украшенъ Архимандритомъ **Фотіемъ**, при содѣйствіи его духовной дочери графини **Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской** (въ 1822—1848 годахъ). Зданія монастырскія, особенно соборы—поражаютъ своею массивностію и драгоценностію украшеній: золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и драгоценнѣйшими камнями. По богатству ризницы и церковной утвари, и вообще по благолѣпію—монастырь не уступаетъ нашимъ Лаврамъ.

Богослуженіе въ немъ отличается строгою церковностію и уставностію, (съ архіерейскими привиллегіями настоятелей) пѣніе столповое, рѣдко гдѣ такъ исполняемое. Въ монастырѣ до 120 человекъ братія (съ послушниками).

Видъ на монастырь изъ Новгорода и съ озера—очарователенъ. Весьма красива колокольня монастыря, въ три пролета съ 32 колоколами, изъ коихъ наибольшіе въ 2100 пуд., 1140 пуд., 523 пуда, 267 пуд., 130 пуд., и т. д. Звонъ ихъ отличается рѣдкою гармоничностію и силою.

Существуетъ нѣсколько подробныхъ описаній Обители; предлагаемъ благочестивымъ поклонникамъ ея наилучшее изъ нихъ, по краткости, со- держательности и интересности—извѣстнаго писателя-путешественника А. Н. Муравьева.

Церкви Юрьева Монастыря:

1. Георгіевскій Соборъ, въ честь Св. Великомученика Георгія Побѣдоносца, съ придѣломъ въ честь Святителя Феоктиста, Св. мощи коего въ Соборѣ (праздники 23 Апрѣля, 26 Ноября, 23 Декабря и 23 Января).

2. Спасскій Соборъ, теплый, во имя Спаса Нерукотвореннаго Образа (16 Августа), съ придѣлами: 1) Святителя Алексія, Митрополита Московскаго (при Настоятельскихъ келліяхъ), 2) Свв. Мучениковъ Фотія и Аникиты, 3) Св. Црав. Анны.

3. Воздвиженскій Соборъ, въ честь Воздвиженія Животворящаго Креста Господня (праздникъ 14 Сентября, при наиболѣе многочисленномъ стеченіи народа).

4. Церковь Всѣхъ Святыхъ, бывшіе покои Архимандрита Фотія.

5. Церковь Похвалы Богородицы, подъ Спасскимъ Соборомъ, съ гробницами возобновителей Обители, Архимандрита Фотія и графини Анны.

6. Церковь Св. Архистратига Михаила, въ лѣтнихъ бывшихъ Митрополичьихъ покояхъ.

7. Церковь Неопалимой Купины, при больницѣ монастырской.

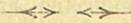
8. Церковь Св. Великомученика Пантелеимона, за стѣнами Монастыря (праздн. 27-го Іюля).

9. Скитъ Перынскій съ древнею церковью Рождества Богородицы, въ 1 верстѣ отъ монастыря, на берегу Озера Ильмена (большое стеченіе народа 8-го Сентября).

Архимандриты—Настоятели монастыря
(со времени его возобновленія при Арх. Фотіи)

1. **Фотій** (1822—1838 г.).
2. **Мануиль** (1838—1857 г.).
3. **Варлаамъ II** (1857—1860 г.).
4. **Геронтій** (1860—1865 г.).
5. **Германъ** (1866 г.).
6. **Іоакимъ** 1866—1878 г.).
7. **Исаія** (1878 г.—1896 г.).
8. **Владиміръ** (1896—1905 г.).
9. **Іоаникій** (1905—1907 г.).
10. **Іосифъ** (Съ Ноября 1907 г.).

III. Часы Богослуженій.

Утренняя въ 3 ч. утра.

I ранняя обѣдня (въ Церкви Похвалы Богородицы) въ 5 ч. утра.

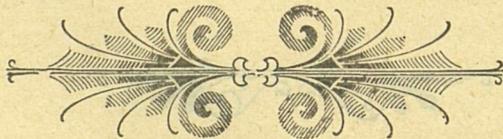
II ранняя (въ Церкви Всѣхъ Святыхъ, по субботамъ) въ 6 ч. утра.

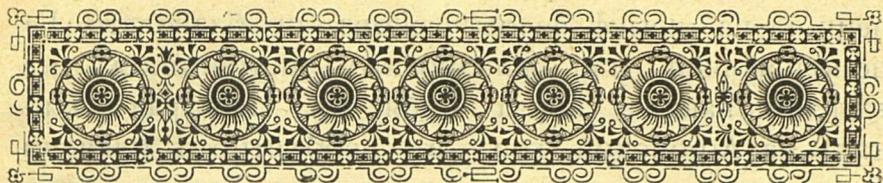
Поздняя обѣдня въ 9 ч. утра.

Вечерняя зимою въ 4 ч., лѣтомъ въ 5 ч. вечера.

Всенащная наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней въ 6 ч. вечера.

Акаеистъ Св. Великомученику Георгію по Воскреснымъ днямъ послѣ вечерни.

ЮРЬЕВЪ МОНАСТЫРЬ.

(По описанію А. Муравьева).

Послѣ многихъ лѣтъ, обитель Юрьевская приняла меня опять подѣ гостепріимную сѣнь свою. Это было въ осенній вечеръ, въ часъ воскресной всенощной; она совершалась въ подземной церкви Похвалы Богоматери, тамъ гдѣ погребенъ обновитель Юрьева, который нѣкогда съ любовію принималъ меня въ мирныхъ стѣнахъ. Такое воспоминаніе располагало къ молитвѣ.—Благообразна была и пещерная церковь, устроенная по подобію древнихъ катакомбъ, но великолѣпно украшенная!—Мраморомъ устланъ помостъ ея, по мраморнымъ сводамъ насыпаны золотыя звѣзды; бронзовый иконостасъ исполненъ весь славою Божіей Матери; ибо Она изображена повсюду въ многознаменательныхъ символахъ:—то въ видѣ неопалимой купины, какая нѣкогда явилась Моисею въ пустынь, но обнесенная звѣздообразнымъ вѣнцомъ ангельскихъ силъ; то съ олицетворенною похвалою неба и земли вокругъ Нея, съ ликами земныхъ ангеловъ и небесныхъ челоуѣковъ; то радостію всѣхъ скорбящихъ или одигитрію—путеводительницею странныхъ; то неизре-

ченною на языкѣ человѣческомъ, по благодати Ея исполняющей, или живоноснымъ источникомъ исцѣлений, какимъ явила Себя въ Царьградѣ, или какъ на Афонской горѣ въ необъятномъ пламени Своей славы, или вѣнчаемою отъ всея Троицы, какъ пріятелище нестерпимаго Божества. Все гласитъ о Ней внутри сего священнаго подземелья, гдѣ никогда не умолкаетъ въ честь Ея чтеніе акаѳиста.

Особенно хорошо устройство этой церкви тѣмъ, что, по древнему чину, жертвенникъ находится въ сторонѣ и совершенно отдѣленъ отъ алтаря; такимъ образомъ и женщины могутъ свободно приступать къ нему для приношеній, а между тѣмъ святой алтарь огражденъ отъ суеты, неизбѣжной при сближеніи жертвенника съ престоломъ. Напротивъ сѣверной двери алтаря открывается съ южной стороны тайная дверь, въ гробовой покой Архимандрита Фотія: одна лампада освѣщаетъ его сумракъ; Распятый Господь, и, по сторонамъ Его, Божія Матерь и возлюбленный ученикъ,—написаны во весь ростъ, на восточной стѣнѣ; къ подножію спасительнаго Креста Христова прислоненъ мраморный гробъ, освѣщенный среброкованнымъ покрываломъ, съ крестнымъ на немъ изваяніемъ; въ головахъ стоитъ золотая икона Знаменія Богоматери, сродная великому Новгороду, отколѣ распространилось по всей Россіи празднованіе его чуда.

Близость къ намъ почившаго еще налагаетъ печать молчанія; но молитвенная съ нимъ и о немъ бесѣда невольно проникаетъ въ душу въ сей гробовой келліи, гдѣ упокоился онъ, послѣ многихъ подвиговъ отшельнической жизни. Свидѣтельствуетъ

о ней и послѣдній пріютъ его, который сообщался во дни его жизни съ келліями, и сюда часто спускался онъ, тайною стезею, къ своему гробу, чтобы засвѣтить надъ нимъ лампаду, или во мракѣ подземелья углубиться въ размышленія о вѣчности, доколѣ еще не настала.—Я увидѣлъ въ углубленіи другой мраморный саркофагъ, смиренно прислонившись къ стѣнѣ, но еще праздный, и угадалъ его назначеніе, хотя и стѣснилось сердце, при сей горькой мысли; она же нисколько не смущала будущаго жильца сего подземелья, который съ большею любовью смотрѣлъ на свою вѣчную усыпальницу, нежели на временную ложницу въ своемъ отрадномъ уединеніи. ¹⁾

Желѣзная рѣшетка и потомъ еще стѣна, вся окованная серебромъ, съ тремя на ней позлащенными иконами, отдѣляетъ могильный покой отъ того мѣста, гдѣ совершаются панихиды по усопшемъ.—Великолѣпный образъ Неопалимой Купины, горящій драгоценными камнями, а по сторонамъ его соборъ безплотныхъ силъ и земной ангелъ Предтеча—осѣняютъ своимъ покровомъ сію молитвенную храмину и вмѣстѣ смертное жилище; а для утѣшительнаго свидѣтельства о грядущемъ воскресеніи мертвыхъ, на боковыхъ стѣнахъ есть еще двѣ иконы, бывшія келейными покойнаго:—одна семи спящихъ отроковъ Ефесскихъ, которые, заснувъ въ пещерѣ во дни гоненій языческихъ, пробудились отъ вѣковаго сна уже во дни славы церкви Христовой;

¹⁾ Устроившая сей саркофагъ для себя подлѣ своего духовнаго отца, графиня Анна Алексѣевна, о которой здѣсь говорится, почила 5 Октября 1848 г. 64 лѣтъ отъ роду.

другая икона изображаетъ благоразумнаго разбойника, съ оружіемъ креста въ рукахъ, входящаго въ рай, предъ лицомъ Патріарховъ Авраама, Исаака и Иакова, хранящихъ его преддверіе.

На другой день, послѣ ранней литургіи, въ той же пещерной церкви, просилъ я показать мнѣ и верхніе придѣлы Спасскаго собора, сооруженнаго Архимандритомъ послѣ пожара 1823 года, на мѣсто домовою церкви благовѣрныхъ князей Θεодора и Александра Невскаго. Страшное, но вмѣстѣ и назидательное зрѣлище представилъ пожаръ сей: это случилось въ праздникъ Введенія во храмъ Божіей Матери; народъ наполнялъ церковь. Самъ Архимандритъ совершалъ литургію, и всѣ до такой степени заняты были молитвою, что никто не замѣтилъ, какъ искра, вылетѣвшая въ трубу отъ жаровни кадильной, зажгла деревянныя связи, и пламя охватило кровлю. Уже вся крыша была въ огнѣ, а подъ нею спокойно возносилась стольже пламенная молитва. Мимосшедшій священникъ церкви Перунской, которая еще не была тогда скитомъ, первый увидѣлъ пожаръ и бросился въ храмъ извѣстить о угрожавшей опасности. Быстро разсѣялся народъ; но нельзя было оставить начатой литургіи. Архимандритъ велѣлъ одному изъ сослужившихъ іеромонаховъ поднять съ жертвенника приготовленные дары и, при пѣніи херувимской пѣсни, нести ихъ на престолъ холоднаго собора, чтобы тамъ довершить Божественную службу, и покамѣстъ прочая братія занялась спасеніемъ утвари церковной, самъ онъ сталъ на клиросъ, и уже какъ простой инокъ отвѣчалъ пѣніемъ на возгласы священнослужителя. Ме-

жду тѣмъ совершенно сгорѣла церковь, и въ суровую зиму братія принуждена была терпѣть стужу въ холодномъ соборѣ, ибо не имѣла средствъ устроить гдѣ либо теплый предѣлъ. Тогда послалъ Господь благотворительницу бѣдствующей обители, и ея щедрыми давніями не только соорудился новый великолѣпный соборъ, на мѣсто сгорѣвшей убогой церкви, но обновился и храмъ великомученика Георгія, и вся обитель, самая древняя изъ всѣхъ Новгородскихъ и Русскихъ; ибо одна только Печерская лавра можетъ оспаривать у нея первенство. Она возникла изъ пламени, какъ таинственная птица Востока, вѣчно обновляемая на собственномъ кострѣ своемъ.

Съ лѣвой стороны алтаря пещерной церкви ведетъ лѣстница въ верхній соборъ Всемиловитаго Спаса.—Бронзовый иконостасъ его украшенъ съ особеннымъ великолѣпіемъ; драгоценными камнями сіяютъ мѣстныя иконы Спасителя и Божіей Матери; одна жемчужина, подобная грушѣ, виситъ на осыпанномъ брилліантами вѣнцѣ Божіей Матери. Сокровища Чесменскія излились щедрою рукою на храмъ сей и всѣ его принадлежности; но изящный вкусъ распорядилъ роскошью окладовъ и утвари церковной. Великолѣпно зрѣлище храма и алтаря, чрезъ царскія серебряныя врата его, въ самую внутренность святилища, гдѣ надъ горнимъ мѣстомъ прозрачная икона Тайной Вечери пронизывается лучами солнца, и благолѣпіе умножается при возжженіи безчисленныхъ лампадъ огромнаго серебрянаго паникадила, которое, какъ нѣкій вѣнецъ, спускается изъ

глубокаго купола, проливая торжественный свѣтъ на полумракъ собора.

По обѣимъ сторонамъ главнаго алтаря, но не на одной съ нимъ чертѣ, что составляетъ также красоту крестообразнаго храма, устроены два малые придѣла, во имя св. мучениковъ Фотія и Аникиты и зачатія праведныя Анны. Первый находится надъ жертвенникомъ пещерной церкви и къ нему прилегаютъ съ лѣвой стороны обширные покои нынѣшняго настоятеля, которые были приготовлены покойнымъ Архимандритомъ для митрополита Серафима, на тотъ случай, еслибы пожелалъ окончить дни свои въ уединеніи; но благая мысль об нихъ не совершилась!—Придѣлъ св. Анны сооруженъ надъ самою пещерою, гдѣ стоитъ гробъ основателя сего храма и другой графини, и къ правой сторонѣ прилегаютъ келліи бывшаго знаменитаго настоятеля; онѣ теперь обращены въ церковь Всѣхъ Святыхъ и братскую библіотеку, дабы молитва и благочестивое размышленіе всегда наполняли душу посѣщающихъ мѣсто его житейскихъ трудовъ.—Тамъ совершается всякую субботу еженедѣльное поминовеніе по усопшемъ.

Церковь сія также украшена съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ и вмѣстѣ съ особенною любовію къ памяти почившаго въ Богѣ жильца сихъ нѣкогда уединенныхъ келлій. Иконостасъ составленъ изъ домашнихъ иконъ его, и осыпанъ драгоценными камнями, но преимущественно украшенъ любимый имъ образъ Божіей Матери. Изъ сокровищницы любвеобильнаго сердца, болѣе нежели изъ вещественной, излились сіи богатства; ибо здѣсь любящее

око смотрѣло не на то, чѣмъ украшало святыню, но на предметъ сихъ украшеній, близкій сердцу. Мы же невольно дивимся невиданному великолѣпію, блеску яхонтовъ, изумрудовъ и сапфирововъ, какіе встрѣчаются только въ утваряхъ царскихъ, и свѣтлой водѣ огромныхъ алмазовъ, которую не замѣчало око ихъ дателя, сквозь пелену крупныхъ слезъ, проливаемыхъ по усопшемъ. Христіанское небо изображено изящною кистию на сводахъ церкви Всѣхъ Святыхъ, дабы всѣ они осѣняли молитвенниковъ сего знаменательнаго храма, гдѣ такъ много воспоминаній и вздоховъ сердечныхъ!

Намѣстникъ ввелъ меня въ алтарь и показалъ въ сѣверной стѣнѣ выкладенную изъ камней молитвенную келлію, если только можно дать такое названіе каменному гробу, въ три шага длины и одинъ ширины, съ тѣснымъ сѣдалищемъ на одномъ концѣ и углубленіемъ для иконы на другомъ. Тамъ теплилась неугасимая лампада предъ иконою Богоматери и Предвѣчнымъ Младенцемъ. Это была келлія подвижника, гдѣ проводилъ онъ въ совершенномъ безмолвіи всю четырехдесятницу, исключая времени Божественной службы, и куда уединялся ежедневно въ часы свободные отъ заботъ и занятій. Келлія сія сообщалась узкою лѣстницею съ другою ей подобною, но еще болѣе потаенною, которая уже теперь задѣлана, и, наконецъ, съ гробовой пещерою, ибо туда наипаче любилъ онъ спускаться для размышленій о вѣчности, въ виду своего гроба.

Нѣсколько разъ бывалъ я, при жизни Архимандрита, въ тѣхъ же самыхъ келліяхъ, которыя теперь обращены въ церковь, и никогда не подозрѣвалъ

сего молитвеннаго покоя въ стѣнѣ, куда онъ уже заживо себя закладывалъ, какъ въ каменную могилу. Невольно изумился я столь нечаянному открытію. Замѣчательно будетъ лице его въ лѣтописяхъ Новгородскихъ: кромѣ необычайности собственной его жизни, изнурительнаго поста при ежедневномъ служеніи, сорокадневнаго безмолвія въ теченіи четырехдесятиницы и другихъ подвиговъ, которыя только время откроетъ,—онъ дѣйствительно былъ не только обновителемъ своей обители, но и настоящимъ Архимандритомъ всѣхъ монастырей Новгородскихъ, по древнему назначенію настоятелей Юрьева. Отъ первыхъ временъ великаго Новгорода почитались они старшимъ духовнымъ лицомъ послѣ Владыки, были благочинными надъ пятидесятью его обителями, кромѣ пятнадцати, непосредственно отъ нихъ зависѣвшихъ, имѣли право священнослуженія архіерейскаго не только у себя, но и въ Софійскомъ соборѣ, и, такимъ образомъ, вполне замѣняли лице святительское славной своей родинѣ.

Такое лице опять явилъ въ себѣ Новгороду недавно усопшій, послѣ долгаго упадка настоятелей Юрьевскихъ и самой ихъ обители, и если имѣлъ къ тому необычайныя средства, то умѣлъ съ церковною ревностію ими воспользоваться. Въ монастыряхъ Деревяницкомъ и потомъ Сквородскомъ, основанныхъ Святителемъ Моисеемъ, началось первое его служеніе великому Новгороду, ибо тамъ онъ былъ краткое время настоятелемъ; но мать обителей Новгородскихъ ожидала его пламеннаго усердія. Онъ собралъ ее изъ развалинъ, обновилъ и прославилъ, но тотъ же потокъ щедрыхъ даяній излилъ и на

прочія убогія обители древней Славянской столицы, отъ пятидесяти умалившіяся до скромнаго числа двѣнадцати. И Святая Софія, священный залогъ славы Новгородской, сдѣлалась также предметомъ его заботъ. Но величайшею изъ заслугъ его было—возстановленіе древняго чина иноческой жизни въ своей обители, и *возбужденіе чрезъ то духа молитвы*, ибо сердце его стремилось къ пустынному житію Скитскихъ отцевъ, и посреди окружавшаго его великолѣпія святыни, самъ онъ велъ жизнь затворника, умножая строгость ея по мѣрѣ умноженія дней своихъ. Все, что ни обновляла рука его, принимало на себя характеръ древности,—не только зодчество и внутреннее устройство храмовъ, но и самый чинъ Богослуженія и церковныя напѣвы, все отзывалось давноминувшимъ и потому роднилось съ сердцемъ; невольно разжигался въ немъ духъ молитвы, видѣніемъ и слышаніемъ древняго церковнаго быта, посреди охладѣвшаго къ нему вѣка.

Очевиднымъ свидѣтельствомъ благочестія, возбужденнаго имъ въ народѣ, служитъ праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста, на который собираются въ Юрьевъ безчисленныя толпы богомольцевъ. Архимандритъ Фотій, соорудивъ недалеко отъ Св. воротъ новый обширный храмъ, хотѣлъ посвятить его Преображенію Господню, на память древле существовавшей тутъ церкви; но по совѣту Митрополита Серафима, который сожалѣлъ, что столь великое торжество, каково всемірное Воздвиженіе Креста Господня, ослабѣваетъ въ памяти христіанъ, онъ рѣшился обновить праздникъ сей въ великомъ Новгородѣ, съ особенною торжественностію. *Освятивъ*

храмъ въ честь Воздвиженія, онъ учредилъ, съ благословенія архипастырскаго, крестный ходъ кругомъ всей обители, а на всенощной, при поклоненіи Живоворящему Кресту, положилъ на всѣ будущія времена *раздавать* каждому изъ приходящихъ по малому кресту мѣдному или серебряному. Необычайность торжества начала привлекать богомольцевъ въ обитель ко дню Воздвиженія, и доселѣ нигдѣ не празднуется онъ столь свѣтло. Такимъ образомъ, усердіемъ одного ревнителя, обновилась въ сердцахъ христіанъ память Всемірнаго Воздвиженія Креста и распространилась далеко окрестъ по всѣмъ предѣламъ Новгородскимъ.

Чрезвычайное стеченіе народа на погребеніе усопшаго Архимандрита и въ продолженіи девяти дней, когда тѣло его лежало открытымъ въ церкви для послѣдняго съ нимъ цѣлованія, достаточно засвидѣтельствовало, какимъ уваженіемъ пользовался онъ не только въ Новгородѣ, но и въ окрестности и столицѣ; ибо ото-всюду собрались чины духовные и мірскіе. Погребеніе было трогательное и поистинѣ народное, какъ въ первые эпохи христіанства, и, что весьма замѣчательно, оно совершилось Великимъ постомъ, въ недѣлю Крестопоклонную, какъ бы въ воздаяніе усопшему, за его ежегодный подвигъ безмолвія во дни Четырдесятницы, и наипаче за то напоминовеніе о Крестѣ Господнемъ, которое столь торжественно обновилъ онъ въ великомъ Новгородѣ.

Едва успѣлъ я осмотрѣть теплый соборъ, со всѣми его придѣлами, гдѣ еще все такъ живо напоминаетъ покойнаго Архимандрита и келейный бытъ его, какъ уже ударили въ большой воскрес-

ный колоколь къ поздней литургіи. Я поспѣшилъ въ великолѣпный храмъ Великомученика Георгія, гдѣ служилъ обѣдню самъ Настоятель Архимандритъ Мануиль. — Величіе Божественной службы почину Архіерейскому, усвоенному обители Юрьевской, стройность и вмѣстѣ древность столпового пѣнія, которое только тамъ можно слышать въ такомъ совершенствѣ, все соотвѣтствовало красотѣ самого храма. достойнаго зодчества Византійскаго XII вѣка. Отъ дверей обширной паперти уже пріятно были поражены взоры блескомъ безчисленныхъ лампадъ, вокругъ напрестольной сѣни отверстаго алтаря, и сіяніемъ драгоценныхъ камней на мѣстныхъ иконахъ, и пышностію ризъ священнослужителей, во глубинѣ сего разверзшагося неба, отколѣ исходили они, съ горящими свѣтильниками, какъ бы на землю, въ облакахъ ѳиміама и во звукѣ небесныхъ гимновъ. — Не такъ ли отзывались нѣкогда ангельскою пѣснію лики Софійскіе предкамъ нашимъ, въ домѣ Премудрости Божіей, и домъ сей показался имъ небомъ, куда ввели они за собою и все свое племя славянское!

Уже около ста лѣтъ существовала обитель Юрьевская, *основанная* великимъ *Ярославомъ*, во имя ангела своего Великомученика Георгія (въ 1030 г.), когда другой *Георгій*, великій сынъ Мѣномаха, Мстиславъ, княжившій въ Новгородѣ, заложилъ сію великолѣпную церковь, художествомъ Греческихъ зодчихъ, въ 1119 году, при Игуменѣ Кириакѣ. Но довершеніе и освященіе храма предоставлено было ихъ блаженнымъ преемникамъ, игумену Исаи и Святому сыну Мстислава, Всеволоду Гавріилу, который

самъ нетлѣнно возлегъ на вѣчную стражу въ соборѣ охраняемаго славнымъ мечемъ его Пскова. Тогда же устроены были и два придѣла, во имя Благовѣщенія и благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, родственныхъ Мстиславу, на высокихъ хорахъ, по древнему чину церквей Греческихъ; ибо тамъ главный престоль никогда не былъ стѣсняемъ боковыми, дабы оставалось мѣсто для жертвенника и пономарни. Обновленный въ началѣ XIV вѣка, при святомъ владыкѣ Моисеѣ, храмъ сей подвергся опустошенію отъ нечестивыхъ Шведовъ, въ смутную годину самозванцевъ, и опять обновленъ щедрыми даяніями перваго изъ Романовыхъ и усердіемъ Архимандрита Діонисія. Знаменитый современникъ Петра Великаго, *Іовъ* митрополитъ Новгородскій, оставившій по себѣ столь благую память, призрѣлъ также своими пастырскими заботами храмъ Велико-мученика, при содѣйствіи Юрьевскаго настоятеля Гавріила; но послѣднее обновленіе святилища Архимандритомъ Фотіемъ, и царственными по истинѣ даяніями одной благотворительницы его обители, превзошло все, что только можно назвать великолѣпнымъ.

Не говоря о безчисленныхъ украшеніяхъ всѣхъ частей храма, о бронзовыхъ рѣшеткахъ и изваяніяхъ пятируснаго иконостаса, о царскихъ среброкованныхъ дверяхъ, огромныхъ паникадилахъ, подсвѣчникахъ, на престольной одеждѣ изъ листаго серебра и другихъ подобныхъ сокровищахъ, которыя даже кажутся обыкновенными отъ самаго ихъ множества, стоитъ только взглянуть на двѣ мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери, и на одну храмовую Ве-

ликомученика, чтобы уже болѣе не обращать вниманія на все прочее; ибо здѣсь не знаешь чему дивиться. Богатству ли дара, или безпримѣрному усердію дателя? До полумилліона цѣнятъ золотые оклады каждой изъ мѣстныхъ иконъ, осыпанные самыми крупными алмазами, яхонтами, изумрудами и сапфирами; вѣнецъ Спасовъ и звѣзды на челѣ и персяхъ Его Пречистой Матери горятъ чудными камнями, несравненными по своей массѣ и чистой водѣ. Риза Великомученика усѣяна вся брилліантами по швамъ и воскриліямъ, какъ будто ими скрѣплено ея чистое золото: щитъ и шлемъ и броня духовнаго витязя можно по истинѣ назвать адамантовыми; огненнымъ представляется конецъ копія его, коимъ поразилъ чудовище, отъ огромнаго алмаза, замѣнишаго лезвіе, и необъятной величины жемчужины образуютъ рукоять и оконечность его воинскаго меча. Сокровища, излитыя на украшеніе сей древней Византійской иконы, современной еще великому Ярославу, основателю обители, восходятъ до невѣроятной суммы, почти милліона. Можно ли послѣ сего говорить еще о прочихъ украшеніяхъ и богатствахъ?

Объ одномъ однакоже не должно умолчать: вкусъ и изящество новѣйшихъ временъ руководствовали обновителями храма, и, не смотря на то, не утрачено ничего древняго, такъ что даже все новѣйшее кажется только обновленіемъ стараго. Такимъ образомъ сохранился величественный иконостасъ, золотою стѣною подымающійся къ высокимъ сводамъ, и уцѣлѣла стѣнная живопись, писанная по древнимъ очеркамъ, и внутренность алтаря удер-

жала первобытный свой характеръ; тамъ лики святителей съ высоты горняго мѣста содѣйствуютъ Божественной службѣ, а назидательныя изреченія Св. Отцевъ о ея таинственномъ значеніи возбуждаютъ духъ молитвы въ сослужащихъ. Все благолѣпное зданіе храма, съ его знаменательными украшеніями, образуетъ изъ себя полную идею Восточной церкви, какъ выразилась она впервые, строителями таинствъ христіанскихъ, и какъ еще долго сохранялась въ послѣдующіе вѣка.

Послѣ великолѣпія собора можно вообразить, какія сокровища заключаетъ въ себѣ его ризница, соотвѣтствующая пышностію утварей мѣсту служенія: бесполезно было бы исчислять драгоценныя митры, кресты и панагіи, и шитыя жемчугомъ облаченія, которымъ едва ли есть подобныя, по красотѣ и богатству, развѣ изъ числа древнихъ Патріаршей и Троицкой ризницъ. Оставляя новѣйшія богатства, слѣдуетъ однако упомянуть о предметахъ драгоценныхъ по своей древности. Въ ризницѣ доселѣ хранится серебряное позлащенное блюдо съ мѣологическимъ на немъ изваяніемъ Персея и Андромеды, которое пожаловалъ въ обитель св. князь Всеволодъ-Гавріиль, потому что на мѣстѣ древняго баснословнаго разказа языческаго совершилось новое христіанское чудо Великомученика Георгія, который близъ того же города Верита, избавилъ отъ морскаго чудовища Сирійскую царевну, ему обреченную въ жертву. Вмѣстѣ съ блюдомъ хранится и кусокъ отъ той скалы, къ которой была прикована царевна.

Другая замѣчательная вещь есть плащаница горько памятнаго междоусобною бранію князя Димитрія Шемяки, который послѣ краткаго сѣдѣнія на престолѣ ослѣпленнаго имъ Василия Темнаго, призрѣнъ былъ мятежнымъ Новгородомъ, и положилъ вкладъ сей за себя и дѣтей въ обитель Юрьевскую, не подозревая, что и самъ упокоитъ въ ней свои скитальческія кости. Кругомъ плащаницы вышита золотомъ слѣдующая надпись:

„Лѣта 6957, индикта 7, какъ былъ князь великій Дмитрій Юрьевичъ въ великомъ Новгородѣ, и повелѣніемъ его великаго князя наряженъ былъ сей воздухъ въ храмъ Святаго Великомученика Христова Георгія, того же мѣсяца августа въ 23 день, благовѣрною его великою княгинею Софьею, и при сынѣ благовѣрномъ князѣ Иванѣ, и положенъ бысть въ церкви св. Великомученика Христова Георгія, въ великомъ Новѣградѣ, въ Юрьевѣ монастырѣ, при архіепископѣ великаго Новаграда, владыкѣ Евѣиміѣ, при архимандритѣ Мисаилѣ, за оставленіе грѣховъ и спасенія ради душъ нашихъ и нашихъ дѣтей, и тѣмъ внучатомъ и правнучатомъ, въ семъ вѣцѣ и будущемъ, аминь“.

Но еще замѣчательнѣе сихъ двухъ предметовъ подлинная грамота самаго В. князя Мстислава, сына Мономахова, соорудившаго храмъ; она почитается самою древнѣйшею изъ всѣхъ, какія только уцѣлѣли у насъ отъ всепопядающаго времени, и ея сохраненіемъ обязаны археологи обители Юрьевской. Грамота писана на пергаментѣ и скрѣплена серебряною печатью, съ изображеніемъ на одной сторонѣ сѣдящаго Спасителя, а на другой Архан-

гела Михаила; дана же была въ обитель вмѣстѣ съ блюдомъ Всеволода, о коемъ упоминается въ ея строкахъ.

„Се азъ Мстиславъ Володиміръ сынъ, держа руску землю въ своеіе княженіе повелѣлъ іесмь сыну своему Всеволоду отдати цѣ святому Георгіеву съ данію и съ вирами и съ продажами... даже которыи князь по моіемъ княженніи почнетъ хотѣти отъяти у святаго Гяоргія. А Богъ буди за тѣмъ и святая Богородица и тѣ святый Георгій у него отимаіетъ. И ты игумене Исаіе и вы братиѣ донілъжесея миръ съ стоить. Молите Бога за мя и замоу дѣти, кто ся изоостанетъ въ монастыри То вы тѣмъ должъни іесте молити за ны Бога и и прии животь и въ смърти. А язъ далъ рукою своією и осеньніеіе полюдніе даровноіе, полѣтретія десяти гривнѣнъ святому же Георгіеву. А се я Всеволодъ далъ іесмь блюдо серебряно, въ тридесять гривнѣнъ серебра. Святому же Георгіеву велѣлъ іесмь бити въ нѣе на обѣдъ коли игуменъ обѣдаіетъ. Даже кто запрѣтѣтъ или ту дань и се блюдо да судитъ іему Богъ въ день пришествія своеіго и тѣ святый Георгій“.

Одинъ изъ древнихъ вкладовъ благочестивыхъ самодержцевъ нашихъ еще и до-сѣлѣ украшаетъ храмъ Великомученика, посреди его новаго великолѣпія:—это четырехъ-ярусное мѣдное паникадило надъ амвономъ, которое пожертвовалъ обители царь Михаилъ Федоровичъ послѣ разоренія Шведскаго, на память изгнанія враговъ. Въ сію бѣдственную эпоху самозванцевъ, когда ликовалъ въ Новгородѣ нечестивый вождь Шведовъ Делгардій, лишена была

обитель Юрьевская лучшаго своего сокровища, нетлѣнныхъ мощей благовѣрнаго князя Θεодора Ярославича, брата Невскаго, который скончался юношей въ день брачнаго своего торжества, промѣнявъ вѣнецъ тлѣнный на нетлѣнный. Послѣ четырехъ вѣкового упокоенія въ храмѣ Великомученика, мощи его перенесены были въ соборъ Софійскій, знаменитымъ митрополитомъ Новгородомъ Исидоромъ, дабы предохранить святыню ихъ отъ ругательства святотатныхъ враговъ. Но еще тамъ осталась гробница благочестивой матери св. князей Θεодора и Александра, княгини Θεодосіи, дочери храбраго Мстислава, который столько лѣтъ сохранялъ великій Новгородъ славнымъ мечемъ своимъ, и самъ нетлѣнно отдыхаетъ подъ сѣнію Св. Софіи.

Другія святыя мощи замѣнили утраченныя для обители: это нетлѣнные останки Св. Архіепископа Θεоктиста, избраннаго Новгородомъ въ 1300 году. Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ въ исходѣ минувшаго столѣтія, по ходатайству митрополита Гавріила, перенести мощи его изъ упраздненнаго сосѣдняго монастыря Благовѣщенія въ Юрьевъ, и они положены подъ спудомъ въ среброкованной рацѣ, по лѣвую сторону алтаря; архимандритъ Фотій устроилъ подлѣ и малый придѣлъ во имя Святителя Θεоктиста, соотвѣтствующій противу лежащей ризницѣ. Память краткаго правленія Θεоктиста не могла когда либо прійти въ забвеніе въ обители Юрьевской, ибо съ того времени настоятели ея получили званіе архимандритовъ, и первымъ изъ нихъ былъ Кириллъ; а тому владыкѣ, при коемъ возвеличилась обитель,

суждено было впоследствии самому принять от нея достойное воздаяніе чести.

Мало сохранилось извѣстій о подвигахъ сего угодника Божія при его жизни; но многія исцѣленія прославили его послѣ блаженной кончины. Постриженный въ обители Благовѣщенской, которую основали два святые брата, Іоаннъ и Григорій, бывшіе потомъ оба владыками Новгорода, онъ воспріялъ послѣ нихъ игуменство обители и кафедру Софійскую, будучи посвященъ Митрополитомъ Кіевскимъ Максимомъ. Но, послѣ осмилѣтняго правленія, онъ отошелъ опять на безмолвіе въ прежнюю свою обитель, и тамъ чрезъ три года окончилъ святую жизнь въ подвигахъ иноческихъ. Первое прославленіе Святителя Оеоктиста случилось болѣе трехъ сотъ лѣтъ послѣ его успенія, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Онъ явился въ сонномъ видѣніи болящей супругѣ царскаго дьяка Ивана Зиновьева и велѣлъ помолиться надъ своею гробницею для желаннаго исцѣленія, не сказавъ ей однако своего имени, но по сходству видѣннаго ею лица съ однимъ изъ ликовъ святительскихъ, начертанныхъ на стѣнахъ Софійскаго собора, она узнала владыку Оеоктиста и тогда же велѣла списать его образъ. А мужъ ея, отыскавъ въ лѣтописяхъ соборныхъ, гдѣ былъ погребенъ Святитель, привелъ болящую Іуліанію на забытую дотолѣ гробницу, въ развалинахъ Благовѣщенской церкви, и тамъ получила она исцѣленіе. Нѣскольکو лѣтъ спустя, намѣстникъ Новгородскій, князь Василій Ромадановскій, имѣя теплую вѣру къ угоднику Божію Оеоктисту, очистилъ отъ развалинъ гробъ его и соорудилъ надъ нимъ

часовню а потомъ каменную церковь, которая и до нынѣ существуетъ; между тѣмъ продолжались исцѣленія надъ мощами Святителя, который и до нынѣ не перестаетъ изливать благодать, ему данную, на бывшую свою паству великаго Новгорода.

Послѣ сего блаженнаго успенія и перенесенія честныхъ мощей Богосроднаго мужа въ обитель Юрьевскую, упоминать ли о неблагословенномъ мертвецѣ, для погребенія коего въ стѣнахъ того же храма нужно было соборное разрѣшеніе Святителя Іоны Митрополита и съ нимъ Епископовъ русскихъ?— ибо они связали его анаѣмою за возмущеніе противъ законнаго Государя! Говорить ли о бѣдственномъ ослѣпителѣ Темнаго Шемякѣ, который, домогаясь престола Великокняжескаго, долго смущалъ крамолами всю землю Русскую, и наконецъ—окончилъ въ Новгородѣ скитальческую жизнь. Но милосердая мать, церковь,— не отказала раскаянному въ послѣднемъ приютѣ, и дала оный въ той обители, которой благодѣтельствовалъ во дни краткаго своего земнаго величія. Могилу его указываютъ въ храмѣ великомученика.

Есть и еще погребенные подъ стѣною его, изъ сановниковъ мірскихъ и духовныхъ великаго Новгорода и земли Русской. Тамъ гробы двухъ старѣйшихъ *игуменовъ Кириака и Исая*, при коихъ сооружена и освящена церковь; вѣроятно, подлѣ нихъ положены были и ихъ преемники, особенно болѣе именитые, какъ первый архимандритъ Кирилль и обновитель Діонисій, но могилы ихъ неизвѣстны. Въ паперти почиваетъ и кроткій владыка Новгорода, *Макарій II*, преемникъ Никона патріарха на каедрѣ

Софійской, участвовавшей во всѣхъ его соборахъ, *Маркелль Епископъ Корельскій*, ибо, въ первой половинѣ минувшаго столѣтїя, обитель Юрьевская была мѣстомъ жительства Викаріевъ Митрополи Новгородской. Тамъ же три мраморныя плиты всѣчены въ стѣну, украшенныя орлами, символомъ знаменитаго рода; надъ одною изъ нихъ изображенъ во весь ростъ святитель Алексій, держащій въ рукахъ своихъ позлащеную икону Божіей Матери, предъ ксею теплится всегда лампада. Это семейная усыпальница обновившей обитель Великомученика! Принявъ ее близко къ своему сердцу, она въ свою череду вручила ей и то, что всего ближе было ея собственному сердцу—гробы родителей! Подъ ликомъ Святителя почиваетъ витязь Чесмы, гроза Оттомановъ, осіявшій море заревомъ ихъ флота и пробудившій первый кличъ свободы въ коснѣвшей подъ игомъ рабства Греціи; а подлѣ него два брата, высоко стоящіе на степеняхъ государственныхъ; всѣ трое—посмертные пришельцы обители Юрьевской, перенесенные туда изъ дальнихъ родовыхъ гробницъ, любовію близкой имъ по душѣ молитвенницы.

Таковъ древній храмъ Великомученика и его исполненіе, и мертвые, избравшіе его себѣ жилищемъ! Внѣшнее величіе его зодчества соотвѣтствуетъ, строгою Византійскою простотою, внутреннему благолѣпію. Три главы, въ честь Св. Троицы, вѣнчаютъ соборъ, и каждая имѣетъ свой особенный характеръ; какъ 3 громаднхъ факела горять онѣ яркимъ золотомъ на синевѣ Новгородскаго неба, по которому бѣлымъ виссономъ расширилась обитель Юрьевская. Красивая колокольня надъ Св. вратами, новый залогъ

усердія той же щедрою руки, довершила собою красоту Юрьева, ибо въ ней соединилась легкость Италіанская съ величіемъ Византійскимъ, вполнѣ соотвѣтствуя характеру всего зданія: серебристымъ густымъ звукомъ ея колоколовъ гармонически бесѣдуетъ древній Ярославовъ Юрьевъ съ современною ему Св. Софіею, и имъ сладостно внимаеть великій Новгородъ, разумѣя сердцемъ многослагольный языкъ сей, исполненный минувшаго.

Были и еще древнія церкви внутри ограды Юрьевской, которыя теперъ замѣнены новѣйшими. Почти въ одно время съ главнымъ соборомъ, въ половинѣ XII вѣка, сооружена была игуменомъ Діонисіемъ церковь Преображенія Господня, около Св. воротъ и нынѣшняго Воздвиженскаго храма; а въ XVI вѣкѣ, къ югу отъ холоднаго собора, вѣроятно тамъ, гдѣ теперъ двѣ больничныя церкви, Неопалимой купины и Архангела Михаила, построена была теплая церковь, во имя Святителя Алексія, съ придѣломъ Св. Гавріила Псковскаго. Это случилось уже послѣ покоренія Новгорода, когда память чудотворцевъ Московскихъ внесена была въ среду его святыни мощною рукою Іоанновъ; но обѣ сіи церкви, весьма убогія, разобраны были ради ихъ ветхости, въ половинѣ минувшаго столѣтія, когда Юрьевъ, приходя постепенно въ упадокъ, уже не въ состояніи былъ поддерживать своихъ священныхъ зданій; и какъ догоравшая лампада, совершенно угасла бы древняя обитель Ярослава, еслибы новѣйшіе любители святыни не сохранили сей вѣковой свѣтильникъ въ Израилѣ.

Но гдѣ же благодатный ключъ сего живительнаго источника, столь обильными струями непрестанно изливающейся на обитель?—она же, какъ древо насажденное при водахъ многихъ, освѣжается ими и утверждаясь глубокими корнями на родимой почвѣ, распространяетъ вокругъ сѣнь свою, для призражня и прохлады утомленныхъ зноемъ дневнымъ! Есть подлѣ нее малая усадьба на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ монастырь Св. Пантелеимона, коего ущѣлѣвшая церковь до-нынѣ ей принадлежитъ. Тамъ отрадное уединеніе избравшей себѣ мѣсто сіе послѣднимъ пріютомъ временной жизни, для приготовления къ вѣчной, и мирно протекають дни подъ сѣнію обновленной ею обители, гдѣ наслаждается ежедневно, стройнымъ чиномъ богослуженія церковнаго, которое ей одной обязано нынѣшнимъ своимъ благолѣпіемъ. Тамъ сокрыто и все близкое ея сердцу, а сердце любитъ жить въ минувшемъ, непрестаннымъ о немъ воспоминаніемъ, какъ будто обращая тѣмъ все свое бывшее въ настоящее. Тамъ окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ и величественная святыня древняго Новгорода, ибо куда только не обратитъ взоры свои изъ очаровательнаго жилища, отовсюду привѣтствуетъ и осѣняетъ ее многоглавый, великій, безчисленными своими храмами и обителями. Но самый очаровательный видъ съ балкона, обращеннаго къ Новгороду, надъ широкимъ Мячинскимъ озеромъ, особенно во время полноводія, когда волны его подступаютъ къ самому дому, и всѣ окрестныя урочища кажутся какъ бы на островахъ, по среди коихъ величаво гуляетъ древній Волховъ, какъ Ниль Фараоновъ, залившій свою долину.

Два упраздненных монастыря съ своими слободами Аркажскою и Благовѣщенскою—составляют живописное заглавіе сей величественной картины, которая развивается отъ лѣвой руки къ правой, какъ древняя хартія, вся исписанная церквами и обителями. Бывшая Лисицкая, на Лисьей горѣ, и нынѣшняя Десятинная, начинаютъ собою Великій Новгородъ, и между ними въ ясную погоду мелькаетъ, какъ призракъ, дальній куполь Св. Евѣимія Вяжицкаго. Слобода Воскресенская, такъ же бывший монастырь, стоитъ на первомъ планѣ, у самаго озера; а за нею, отъ Лисьей горы до Волхова и по ту сторону Волхова до Городища-Рюрикова, великолѣпный амфитеатръ храмовъ невольнымъ изумленіемъ поражаетъ взоры. Величавая громада Св. Софіи, съ ея колокольнею и часовою башнею, обнесенная древними бойницами зубчатаго Кремля, господствуетъ надо всѣмъ, какъ сѣдой исполинъ во всеоружіи ратномъ и молитвенномъ, въ бронѣ и вѣнцѣ поставленный на вѣчную стражу Славянской столицы. Мимо его идетъ ему лишь покорный Волховъ, сквозь прозрачныя арки легкаго моста, державно наброшеннаго на шумныя воды, и за нимъ вдаль укрывается Антоній Римлянинъ подъ сѣнь своей рощи. Вотъ потянулась на право, вверхъ по Волхову, Торговая сторона Великаго Новгорода, длинною вереницею храмовъ, отъ соборнаго узла ихъ на Ярославлемъ дворницѣ, гдѣ сошлось столько золотыхъ крестовъ вокругъ обгорѣвшей вѣчевой башни. Далѣе другое священное звѣно этой священной цѣпи около собора Знаменскаго, гдѣ хранится чудотворный залогъ спасенія Новгорода, и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ

одинокихъ церквей на пустынныхъ его кладбищахъ, дальній Хутынь, обитель Варламова, освящаетъ своими благословеніями сіе высокое зрѣлище древней славы и непрестанной молитвы Великаго Новгорода!

Оставалось не болѣе двухъ часовъ до захожденія солнца, послѣ гостепріимной трапезы, на которую собрались всѣ духовныя власти Великаго Новгорода, въ мирное уединеніе именованной отшельницы. Я хотѣлъ воспользоваться остаткомъ дня, чтобы посѣтить, на устьи Волхова, ближайшія къ Юрьеву обители. Этотъ осенній вечеръ напоминалъ собою лѣтніе; воздухъ благорастворенъ былъ необычайною теплою, вѣтеръ совершенно затихъ, не подымалось ни одной волны на широкомъ Волховѣ, не было ихъ и въ бурной его колыбели Ильменѣ, который, казалось, съ отеческою любовію смотрѣлъ на свое величавое чадо, самъ отходя къ покою въ послѣднихъ лучахъ вечера; — солнце спускалось къ нему по золотымъ ступенямъ многоглаваго Новгорода... Намѣстникъ, съ однимъ изъ братій Юрьева монастыря, радушно вызвались мнѣ сопутствовать, и приготовленъ былъ большой катеръ на краю слободы Юрьевской, въ виду Перунскаго скита. Мы причалили сперва къ малому островку. не всегда однако окружаемому водою, гдѣ, около древнѣйшей церкви Новгорода, устроенъ новый скитъ и живутъ двѣнадцать отшельниковъ. Тамъ нѣкогда, на холмѣ, предъ лицомъ бурнаго Славянскаго Ильменя, стоялъ громовержецъ Перунъ, сверженный впослѣдствіи самъ въ Волховскую пучину, первымъ Епископомъ Новгорода Іоакимомъ, и тамъ равноапостольный князь Владиміръ соорудилъ первую христіанскую

церковь на сѣверѣ нашего Отечества. Она цѣла и до нынѣ, во всей своей древней простотѣ, и празднуетъ Рождеству Богоматери, Которая Сама послужила храмомъ Воплощенному.

Благочестивый настоятель обители Юрьевской встрѣтилъ меня съ скитскою братією, въ мирной оградѣ Перуновой, и ввелъ во внутренность святилища; оно внезапно огласилось тихимъ пѣніемъ праздничнаго тропаря, и сладко было слышать гимнъ Сокрушительницѣ Перуна, на самомъ мѣстѣ Ея побѣды:

„Рождество Твое, Богородице Дѣво, радость возвѣсти всей вселеннѣй, изъ Тебе бо возсія Солнце правды, Христосъ Богъ нашъ, и разрушивъ клятву, даде благословіе, и упразднилъ смерть, дарова намъ животъ вѣчный“.

Самое строеніе церкви свидѣтельствуетъ о ея непреложной древности, восходящей до временъ Св. Владиміра: она одноглавая, въ видѣ четверограннаго столпа, и болѣе распространена въ ширину нежели въ длину, которая непревосходитъ $3\frac{1}{2}$ сажень, если не считать низкой трапезы и алтаря, имѣющаго видъ урѣзаннаго осмиугольника. Съ двухъ сторонъ ея по два узкихъ окна, а въ алтарѣ, тремя подобными же отверстіями, проливаетъ свѣтъ въ честь Ср. Троицы. Но не смотря на тѣсноту, во внутреннемъ устройствѣ строго соблюденъ чинъ древнихъ православныхъ церквей; алтарь раздѣленъ на три части, для удобства священнослуженія. иконостасъ въ пять ярусовъ, хотя и съ обновленными иконами, дабы праотцы, пророки и апостолы представляли при молитвахъ церковныхъ. Къ двумъ стол-

памъ прислонены клиросы, и даже есть хоры, какъ бы въ обширномъ храмѣ: ибо Св. Софія служила для всѣхъ образцомъ. Церковь холодная, но трапеза теплая, и въ ней ежедневно совершается утренняя, часы и вечерня, и читается днемъ и ночью неумолкаемо псалтирь по усопшимъ; Божественная литургія бываетъ только въ субботніе и воскресные дни, по уставу древнихъ скитовъ Палестинскихъ.

На столпахъ церкви написано время ея основанія въ 995 году, равноапостольнымъ княземъ, и время ея обновленія священно-архимандритомъ Фотіемъ въ 1828 году, съ именемъ перваго настоятеля сего новаго скита, Аввою Сергіемъ; преемникомъ его былъ незабвенный князь Аникита Шихматовъ, который, слѣлавшись потомъ паломникомъ въ Палестинѣ, благочестиво окончилъ дни свои при миссіи Аѳинской въ назиданіе всей Греческой церкви.

Много бѣдствій испыталъ сей первый храмъ истиннаго Бога, на третищѣ идольскомъ Новгорода, удержался однако въ качествѣ обители до 1767 г., и тогда только упраздненъ. Пожаръ, бывшій въ 1822 году, возбудивъ пламенную ревность любителя древности и святыни, послужилъ къ его обновленію изъ приходской убогой церкви въ благоустроенный скитъ; и какъ послѣ упраздненія первоначальной обители Перынской, всѣ ея принадлежности перенесены были въ Юрьевъ, такъ изъ него опять возсіяла ея древняя слава; обновился ветхій храмъ Богоматери, одиноко стоявшій на холмѣ Перуна, свидѣтелемъ славнаго событія, ибо другая деревянная церковь, въ имя Живоначальной Троицы, исчезла на пустынномъ островѣ:—возникли опять

келліи отшельниковъ, и ограда обители, сей первый оплотъ противъ Славянскаго идолослуженія и бурныхъ волнъ Ильменскихъ, какъ бы взывающій къ нимъ гласомъ Іова: „доселе дойдеши и не преидеши, и въ тебѣ сокрушатся волны твои!“ — Опять огласилась надъ водами сего мятежнаго моря Славянскаго, отъ самой пристани его сокрушеннаго кумира, тихая пѣснь отшельниковъ: „Житейское море воздвигаемое зря напастей бурю, къ тихому пристанищу твоему притекъ вопію ти: возведи отъ тли животъ мой Многомилостиве!“

Проникнутый чувствомъ благоговѣнія, среди сего древнѣйшаго изъ храмовъ Новгородскихъ, я сказалъ настоятелю Юрьева то, что чувствовала въ ту минуту душа моя: «еслибы покойный отецъ Архимандритъ Фотій ничего другого не сдѣлалъ, кромѣ обновленія скита Перунскаго, то и тогда бы должно было на всегда остаться ему благодарнымъ потомство!—Можетъ ли быть что либо драгоценнѣе сердцу русскому, какъ этотъ первый памятникъ нашего духовнаго возрожденія! И здѣсь опять должно отдать ему справедливость, что онъ успѣлъ, съ помощію благотворителей, возбудить въ старомъ славянскомъ сердцѣ Новгорода любовь къ вѣковой его святынѣ, начиная отъ св. Софіи и великолѣпнаго Юрьева, до малѣйшей обители, раскинутой по окрестностямъ. Все старалась поддержать щедрая рука его, изъ неизсякаемаго источника, который и доселѣ изливается на убогій Новгородъ, богатый только своими воспоминаніями».

Архимандритъ ввелъ меня въ келліи скитскихъ отшельниковъ и въ отдѣльный покой ихъ настоя-

теля, отколѣ открывается обширный видъ на все озеро, затакающее волнами за дальній небосклонъ; потомъ благосклонно проводилъ до пустыннаго берега. Мы потекли по быстротѣ широкаго Волхова, который перестаетъ быть младенцемъ отъ самой колыбели, какъ возмужавшій воитель исходя изъ бурнаго лона Ильменя, и самъ готовый на бури. Къ Городищу, древнему замку князя Рюрика, направлень былъ путь нашъ. Два протока, Волховецъ и Жилотиръ, начинаясь отъ двухъ оконечностей Городища, образуютъ изъ него островъ, и потомъ, соединяясь опять въ одинъ широкій рукавъ, за могильнымъ холмомъ Гостомысла, подъ стѣнами Хутыня впадаютъ въ Волховъ.

Тамъ, гдѣ стоялъ, на крутомъ берегу рѣки, замокъ Варяжскаго пришельца, который содержалъ имъ въ повиновеніи слободы Славянскія около Ильменя,—теперь убогое селеніе, сохранившее однако названіе *Рюрикова Городища*. Съ сего времени утвердились тамъ князья русскіе, даже и тогда, какъ великій Ярославъ перенесъ дворъ свой ниже по Волхову, и за нимъ потянулся весь Новгородъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки. Мѣсто на острову и на холмѣ слишкомъ благопріятствовало первобытному своему назначенію замка, чтобы непрочные власти вольной столицы Славянской рѣшились скоро его оставить. Оттолкъ княжили они какъ и съ дворища Ярослава, и тамъ укрѣплялись иногда противъ буйнаго вѣча; туда изгонялъ и Новгородъ своихъ намѣстниковъ князей, когда вѣче объявляло имъ конецъ тревожнаго краткаго владычества. „Ступай къ себѣ на Городище!“—взывала мятежная толпа,

и тамъ уже не тревожила изгнанника, потому что издавна привыкла почитать мѣсто сіе чуждымъ Новгороду, завѣтнымъ гнѣздомъ рода Рюрикова. Горько отозвалось оно Новгороду и во дни его паденія! Иоаннъ III, еще однажды до того угощавшій на Городищѣ Владыку, посадниковъ и бояръ, прежде другихъ мѣстъ занялъ войсками замокъ предка, чтобы по его примѣру господствовать надъ городомъ, а Грозный внукъ его оросилъ потоками крови Новгородской роковой холмъ сей, ибо на немъ совершалъ онъ жестокой судъ свой надъ древнею вольностію Славянскою родины.

Городище, всегда принадлежавшее государямъ московскимъ, подарено было Петромъ Великимъ любимцу своему князю Меншикову, и было свидѣтелемъ паденія сего славнаго временищика со всей высоты его величія. Во дворцѣ Городища объявленъ былъ князю и его дочери, невѣстѣ Императора, строгій указъ бывшего ея жениха, о утратѣ ими всѣхъ достоинствъ ихъ высокаго сана и о ссылкѣ въ Сибирь; ибо дотолѣ они еще не знали своей горькой участи, полагая только, что лишены милости царской и будутъ жить въ дальнихъ деревняхъ. Здѣсь сорвали съ нихъ пышныя одежды княжескія и облекли въ убогія крестьянскія рубища. Невѣста царская, увидя себя въ столь неожиданной одеждѣ, бросилась въ объятія родителя съ горькимъ воплемъ: «ахъ, я крестьянка!» и мужественно покорилась своей участи. Отсель повлекли ихъ въ жестокое изгнаніе, въ пустынный Березовъ, гдѣ имъ суждено было вскорѣ встрѣтить и виновниковъ своего изгнанія и тамъ на чужбинѣ поло-

жить свои кости. Дворецъ князя Ижерскаго и садъ его поступили опять во владѣніе казны, но теперь нѣтъ и слѣдовъ княжеской усадьбы. Одинъ только убогій садикъ, съ нѣсколькими избами обывателей, покрываетъ часть холма Городищенскаго.

Еще стоитъ однако, на опустѣвшемъ урочищѣ, древняя каменная церковь Благовѣщенія, сооруженная вначалѣ Мстиславомъ, великимъ сыномъ Мононаха, который украсилъ столькими храмами столицу Славянскую. Спустя два столѣтія, она пришла въ ветхость и возстановлена, по волѣ великаго князя Симеона Гордаго, Архіепископомъ Василиемъ, однимъ изъ знаменитыхъ владыкъ Новгорода, котораго бѣлый клобукъ перешелъ ко всѣмъ митрополитамъ русскимъ. Церковь сія еще дважды обновлена была, въ исходѣ минувшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, и къ ней пристроена трапеза съ придѣломъ во имя Срѣтенія Господня. Но внутреннее ея устройство удержало древній характеръ Византійскій по образцу Перунскаго скита, хотя она гораздо обширнѣе. Та же четверугольная внѣшняя форма и тройное раздѣленіе алтаря, ибо такъ строены почти всѣ Новгородскія церкви; уцѣлѣвшій на стѣнѣ образъ Господа Вседержителя и часть мощей мучениковъ Черниговскихъ, князя Михаила и боярина Θεодора, составляютъ нынѣ главное сокровище сей древнѣйшей придворной церкви князей Новгорода и Москвы. Двѣ другія деревянныя церкви Святителя Николая и безсребренныхъ чудотворцевъ, которыя стояли подлѣ каменной, давно уже уничтожены. Но отъ нея заросшей травой паперти, не попираемой болѣе княжескими стопами, какой оча-

ровательный видъ открывается на ихъ старую отчину, Великій Новгородъ съ его окрестностями!

Багровое солнце уже близко было къ землѣ Новгородской, оно стояло за Юрьевомъ и метало огненные стрѣлы сквозь его прозрачную колокольню, прямо въ церковь Мстислава. Бѣлый величественный Юрьевъ, другое славное дѣло рукъ его, рдѣющій вечерними лучами, стоялъ на рубежѣ озера и рѣки, какъ нѣкій свѣтлый стражъ, ихъ охраняющій. По сторонамъ его Перынь и живописная усадьба Орловская, какъ дѣти подлѣ своего родителя, отражали также его вечернюю славу. Море Славянское кипѣло вдали за мысомъ бывшаго громовержца; юноша Волховъ исполненный свѣта и жизни, съ румянцемъ на свѣжихъ ланитахъ, плавно шелъ мимо вѣковыхъ храмовъ, древнихъ своихъ пѣстуновъ, заходя, какъ бы на поклоненіе, во всѣ ихъ пристани и заливы. А храмы все болѣе и болѣе умножались вдоль береговъ его, доколѣ не срослись всѣ въ одинъ великій Новгородъ и не увѣнчались державною главою Софійскою. Слобода Воскресенская на противоположномъ берегу, куда по волѣ Иоанна переброшенъ былъ хизъ Городища мостъ его зодчимъ Аристотелемъ, служить преддверіемъ города, далѣе зубчатый Кремль на холмѣ съ своими башнями и куполами догоралъ послѣдними лучами дня, и отблескомъ ихъ озарялись новый великолѣпный мостъ Волхова и вся Торговая сторона съ ея безчисленными церквами, которыя всѣ собрались какъ бы по звуку вѣчеваго колокола къ старому дворцу князя своего Ярослава. А вдали мелькали обитатели Антоніева и Деревяницкая за рощею, и

чуть видимый Хутынъ. Такой обширный видъ открывался во всѣ стороны отъ древней усадьбы Рюрика, гдѣ нѣкогда срубилъ онъ малый городокъ свой, и вотъ онъ разросся въ пять славныхъ концовъ Новгородскихъ. Не даромъ держались мѣста сего потомки Рюриковы! Отсель обнимали они взоромъ и повелительнымъ словомъ всю свою отчину, и на ихъ зовъ откликались св. Софія и вѣче!

Я просилъ одного изъ моихъ спутниковъ, который посвятилъ многіе годы на изученіе древностей Новгородскихъ, назвать мнѣ церкви и обители, раскинутыя въ пустомъ полѣ около Городища, или на холмахъ между протоками, и онъ сказалъ: «Самая ближняя церковь, которую вы видите на холмѣ за протокомъ Волховца, окруженною слободою, есть бывшій Спасо-Нередицкій монастырь, приписанный теперь къ Городишу. Онъ основанъ княземъ Новгородскимъ Ярославомъ, сыномъ Мономаха, въ исходѣ XII вѣка, и соборный храмъ его, построенный во вкусъ Византійскомъ, сохранилъ на стѣнахъ еще нѣкоторыя изображенія святыхъ, съ греческими подписями. Принадлежавшія къ нему церкви и службы, приходя постепенно въ ветхость, наконецъ совершенно истребились, и самый монастырь, сперва приписанный къ Юрьеву, былъ упраздненъ при составленіи штатовъ въ 1764 г. Такой же участи подвергся и Ситицкій монастырь, о которомъ упоминается въ XIV вѣкѣ. Отъ него осталась теперь одна каменная церковь, во имя Андрея Юродиваго; вы ее видите на отдѣльномъ холмѣ, за версту отъ Нередицъ, и еще большему подверглись запустѣнію бывшія между ними обите-

ли: Аргамакова и Шилова, иначе Покровская, которая основана въ XIV вѣкѣ на устьи рѣки Шиловки, къ югу отъ Городища. А къ сѣверу отъ него, ближе къ Новгороду, однѣ только развалины двухъ каменныхъ церквей, свидѣтельствуютъ о бывшемъ монастырѣ Лядскомъ, во имя святителя Николая, котораго начало восходить также къ XIV вѣку; первыхъ же двухъ обителей не осталось даже и слѣдовъ, и ихъ только знаютъ по имени. Такъ мало по малу время поядаетъ славу Новгородскую!

— „Но какая это обитель видна вдали, еще во всемъ своемъ благолѣпнн, съ многими храмами, башнями и оградой“?

— „Такъ представляется она только издали, отвѣчалъ онъ, хотя и весьма убога внутри. Это Кирилловская, одна изъ самыхъ древнихъ, основанная въ XII вѣкѣ, двумя благочестивыми братьями Новгородскими Константиномъ и Андреемъ, во имя святыхъ Патріарховъ Александрійскихъ Аѳанасія и Кирилла, при архіепископѣ Мартиріѣ. Соборная пятиглавая церковь ея была до половины разобрана за ветхостію, въ минувшемъ столѣтн, и довершена уже въ новѣйшемъ вкусѣ. Нѣсколько лѣтъ позже пристроенъ къ ней придѣлъ, во имя преподобнаго Арсенія, игумена Новгородскаго, мощи коего перенесены были въ сію обитель изъ часовни отъ церкви Женъ Муроносицъ, что на Торговой сторонѣ. Тамъ есть и другая теплая церковь во имя Покрова Богоматери; каменнаго зданія много, но все это требуетъ поддержки, а средствъ мало. Отъ святыхъ воротъ открывается великолѣпный видъ на

весь Новгородъ, и такими видами богаты почти всё его древнія обители».

Чѣмъ болѣе вглядывался я въ пустынную окрестность Городища, тѣмъ болѣе представлялось мнѣ одинокихъ церквей на уединенныхъ холмахъ, которые островами подымались изъ разлившихся водъ. По ихъ мѣстоположенію, можно было предполагать, что каждая изъ нихъ принадлежала въ древности къ какой либо обители или пригородной слободѣ, и не напрасно населеніе Новгорода, широко раскинутое по низменнымъ берегамъ Волхова, называлось концами.

— „Вижу, сказалъ я, далѣе Кириллова, на томъ же лугу, который прилегаетъ къ Новгородскому валу, еще двѣ отдѣльныя церкви, одну въ старомъ вкусѣ, другую въ новѣйшемъ; что это за церкви?“

— «Здѣсь мѣсто древнихъ скудельницъ, гдѣ погребались странные и убогіе, въ бѣдственныя години для Новгорода, въ голодъ или моръ,“ отвѣчалъ спутникъ. Та, что постарше — Рождественская, XVI вѣка, принадлежала обители Рождества Христова; но послѣ опустошенія Шведскаго Понтуса Деллагардія, которое оставило губительныя слѣды во всемъ Новгородѣ, она обращена въ церковь кладбищенскую. Другая же, во имя святителя Николая, построена въ половинѣ минувшаго столѣтія князьями Долгорукими, на мѣстѣ казни ихъ знаменитыхъ родственниковъ, любимцевъ юнаго Петра II-го, которые, низвергнувъ Меньшикова, сами вскорѣ были сосланы въ то же заточеніе. Но тѣмъ не кончилась бѣдственная судьба, ихъ опять извлекли изъ дальней Сибири, по новымъ навѣтамъ, и предали мучи-

тельной казни, на такъ называемомъ Красномъ Полѣ Новгородскомъ. Въ сей надгробной церкви покоятся тѣла князей Василя и Ивана, и двухъ его сыновей, Ивана и Сергія, раздѣлившихъ горькую участь съ своимъ родителемъ; и многіе богатые вклады Долгорукихъ свидѣлствуютъ о прежнемъ усердіи рода ихъ къ сему печальному памятнику ихъ семейныхъ бѣдствій; но теперь церковь святителя Николая почти совсѣмъ забыта ими».

Съ того мѣста, гдѣ сподвижникъ Великаго Петра и самовластный распорядитель царства по его смерти ступилъ первый шагъ въ свое дальнее изгнаніе, вмѣстѣ съ дочерью, царскою невѣстою, облеченною въ рубище вмѣсто порфиры—страшно и назидательно было смотрѣть на пустынную кладбищенскую церковь, сооруженную надъ прахомъ ихъ гонителей, даже на самомъ мѣстѣ ихъ казни; страшно было слѣдовать мысленно въ ту глухую Сибирскую дебрь, гдѣ обѣ невѣсты того же царственнаго жениха, княжна Меньшикова и княжна Долгорукая, встрѣтили другъ друга, обѣ невинно пострадавшія за честолюбіе отцевъ и братьевъ!—Какое судное слово для искателей земного величія написано на останкахъ древняго Великаго Новгорода!

—„Вотъ и еще одинокая церковь, недалеко отъ вала, бывшая прежде монастыремъ Воскресенскимъ, продолжалъ мой почтенный собесѣдникъ. Построеніе ея новое, но обитель существовала еще въ XIV вѣкѣ. Въ ней есть чудотворная икона Божіей Матери, которая, по преданію, явилась на бурномъ морѣ двумъ братьямъ Новгородскимъ и велѣла выручить себя отъ иновѣрнаго священника, ибо онъ

съ поруганіемъ употреблялъ священный ликъ Евѣмѣсто дверей своей свѣтлицы. — Спасенные отъ бури исполнили данную заповѣдь“.

— „Сколько же, наконецъ спросилъ я, было монастырей въ Великомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ, во дни его славы, когда и теперь, кромѣ совершенно истребленныхъ обителей и доселѣ существующихъ, почти на каждомъ шагѣ встрѣчается какая либо одинокая церковь, бывшая монастыремъ?“

„Ихъ считалось болѣе пятидесяти, отвѣчалъ мнѣ спутникъ и можно себѣ вообразить, каково было тогда великолѣпіе священнослуженія въ сей древней столицѣ Славянской, когда со всѣхъ концовъ ея стекались крестными ходами сонмы иночествующихъ, въ сердце Новгорода, къ св. Софіи, во дни церковныхъ празднествъ! — Зрѣлище поистинѣ достойное православной Руси!“

— „Назовите мнѣ еще одну церковь, которая чуть видна на высокомъ холмѣ, далѣе другихъ, и почти на самомъ горизонтѣ?“

— „И это былъ такъ же монастырь, возразилъ онъ, но здѣсь два воспоминанія слиты вмѣстѣ, христіанское съ языческимъ. — Это Волоотово, или богатырское поле, гдѣ погребались витязи Новгородскіе; это холмъ князя Славянскаго Гостомысла, насыпанный по преданію пригоршнями цѣлаго народа Новгородскаго. Церковь на немъ, во имя Успенія Богоматери, сооружена святителемъ Моисеемъ и сохранила еще остатки древности, но монастырь вокругъ нея упраздненъ вскорѣ послѣ разоренія Шведскаго. Стоя здѣсь на Городищѣ, призваннаго Гостомысломъ пришельца, чтобы княжить надъ его народомъ, можно

дивиться мудрости, съ какою Рюрикъ избралъ мѣсто сіе для своего замка, между двухъ самыхъ священныхъ воспоминаній Славянскихъ. Съ одной стороны взоръ его простирался чрезъ Волховъ, на холмъ Перуна, куда стекались на жертвоприношенія не одни Новгородскіе туземцы, но и всѣ окрестные Славяне; съ другой стороны возставалъ могильный курганъ послѣдняго любимаго вождя ихъ, который послалъ сказать Рюрику: *«Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; придите управлять нами»*. Такими двумя залогамъ, еще болѣе нежели стѣнами своего замка, огражденъ былъ чуждый властитель отъ неспокойнаго племени, призвавшаго его на княженіе!

Солнце закатилось, покамѣсть мы осматривали, съ холма Рюрикова, лѣтописную окрестность Великаго Новгорода. Мнѣ хотѣлось воспользоваться послѣдними минутами свѣта, чтобы посѣтить близкій монастырь Сковородскій за Волховцемъ и поклониться тамъ нетлѣннымъ мощамъ Святителя Моисея. Поднявшись немного, по Сиверсову каналу, мы прошли чрезъ гребень земли, его отдѣлявшей отъ другаго малаго залива, и въ рыбачьей лодкѣ съ трудомъ достигли отлогой высоты, на которой стоитъ монастырь, потому что необычайное разлитіе Волхова затопило низменную его окрестность. Мертвая тишина царствовала внутри ограды, братія разошлась по келліямъ ради поздняго часа; послушникъ открылъ намъ соборную церковь Архангела Михаила, довольно обширную, съ двумя боковыми придѣлами, во имя Рождества Христова и угодника

Моисея, который был основателем собора и обители. Сам он открыто в ней почиваетъ, подъ сѣнію Архангеловъ, и первое, что поразило взоры во мракѣ храма, это его возвышенная рака, озаренная слабымъ мерцаніемъ лампы.

Съ благоговѣніемъ приложился я къ нетлѣннымъ останкамъ сего блаженнаго отшельника и Святителя, который удостоился принять благословеніе на свою кафедру отъ двухъ величайшихъ нашихъ святителей и чудотворцевъ Петра и Алексія, ибо дважды, на разстояніи 18-ти лѣтъ, избирало его себѣ владыкою вѣче Новгородское, и дважды оставлялъ онъ престолъ Софійскій, ради любимаго имъ безмолвія. Постриженный въ Твери въ Отрочѣ монастырѣ, Св. Моисей уединился сперва на берегахъ Ильменя, на мѣстѣ называемомъ Коломцы, гдѣ была обитель, теперь уже несуществующая. Коломовъ, также упрядненнѣй, ниже по Волхову, былъ въ свою чреду свидѣтелемъ его подвиговъ, и оттолѣ, по смерти Архіепископа Давида, голосъ народный избралъ его на кафедру святительскую; но чрезъ пять лѣтъ смиренный Моисей умолилъ народъ отпустить его въ желанное уединеніе, и принявъ на себя схиму, основалъ онъ напротивъ Коломова, по другую сторону Волхова, обитель Деревяницкую. Схима не спасла его однако отъ изъявленія любви народной, ибо 18 лѣтъ спустя, когда скончался знаменитый владыка Василій, отъ мороваго повѣтрія, опустошившаго весь Новгородъ, его бѣдствующіе граждане искали себѣ спасенія—только въ предстательствѣ угодника Божія Моисея, и принудили его взять

опять въ старческія руки кормило церковное. Благословеніе Патріарха Цареградскаго Филооея и Митрополита Московскаго Алексія, укрѣпили его на новые подвиги, и еще 12 лѣтъ бодро пасъ онъ, ввѣренное ему стадо, утверждая благочестіе, потрясенное ересью Стригольниковъ, распространяя вѣру Христову въ дальнихъ предѣлахъ Новгородскихъ, и въ самомъ городѣ, сооружая благолѣпные храмы и обители. Волотова, надъ гробомъ Гостомысла, Колмова и Деревяницкая на Волховѣ, Свято-Духова у воротъ Новгородскихъ, Коломицкая, гдѣ началъ свой подвигъ иночества, и Сковородская, гдѣ его довершилъ, были памятниками его христіанской ревности, и изъ числа ихъ три сохранились до нашихъ временъ. Соборъ Знаменія Богоматери, прославленный чудомъ отъ Ея иконы, во дни Суздальской осады, и еще пять другихъ церквей, близъ двора Ярославова, на Торговой и на Софійской сторонѣ, сдѣлали незабвенною память его Великому Новгороду, и въ Москвѣ еще хранятся яшмовые его сосуды, принесенные въ даръ святителю Петру Митрополиту. Удрученный старостію, св. Моисей умолилъ народъ отпустить его на краткій отдыхъ до вѣчнаго упокоенія, въ созданную имъ обитель Сковородскую, близъ мѣста первыхъ его подвиговъ, и тамъ еще три года былъ онъ зеркаломъ благочестія для собранной имъ братіи и для всей паствы. Но и послѣ блаженной кончины, многими чудесами и исцѣленіями, явилъ онъ свои пастырскія о нихъ заботы, спасая отъ бурь и хищниковъ, на морской пучинѣ, благочестивыхъ гражданъ Великаго Новгорода, а самую

обитель отъ нападенія разбойниковъ; они сами едва не погибли въ трясинахъ, ее окружающихъ, и въ ужасѣ покаялись представшему имъ угоднику Божию. Даже первый изъ владыкъ Новгорода, Сергій, присланный Іоанномъ, послѣ его покоренія, не по избранію народному и не изъ клира Софійскаго, испыталъ на себѣ тяжкую болѣзнь, за то, что не воздалъ подобающей чести памяти великаго Святителя, прежде его возсѣдавшаго на Софійской каѳедрѣ, и принужденъ былъ ее оставить.

Довольно поздно, уже въ царствованіе Государей Іоанна и Петра, при благочестивомъ Митрополитѣ Новгорода Корниліѣ, который удостоился погребать и Никона Патріарха, обрѣтены были чуднымъ образомъ нетлѣнныя мощи Святителя Моисея. Однажды настоятель съ братією, вошедши въ храмъ для утренняго бдѣнія, увидѣли всю церковь освѣщенною невидимой рукою и посреди нея мощи угодника, открыто лежащія и проливающія вокругъ чрезвычайное благовоніе. Обрадованный дивнымъ событіемъ, онъ поспѣшилъ возвѣстить о томъ владыкѣ, и самъ Корнилій съ благоговѣніемъ поставилъ святыя останки своего блаженнаго сопрестольника на то возвышенное мѣсто, гдѣ почиваютъ до нынѣ, подъ аркою съ правой стороны иконостаса, и возблагодарилъ Господа, прославляющаго святыхъ Своихъ на небѣ и на землѣ, для возбужденія иныхъ къ тѣмъ же подвигамъ.

Совершенно смерклось, когда мы оставили монастырь и тѣмъ же путемъ достигли опять канала. Быстро понеслась ладья наша въ широкій Волховъ;

молодой мѣсяцъ выглянулъ изъ облаковъ и полусвѣтомъ озарилъ воды и берега. Вдали какъ призракъ бѣлѣлъ многоглавый Юрьевъ; у истоковъ Волхова засверкали огни; мимо насъ скользили лодки рыбаковъ и слышались ихъ заунывные пѣсни. Тихъ и величественъ былъ этотъ Новгородскій вечеръ на родныхъ его Славянскихъ водахъ; моремъ казался Волховъ, все объемлющій, все проникающій своими глубокими заливами и безчисленными рукавами, какъ сторукой исполинъ, содержащій всю громаду Великаго Новгорода съ его отдѣльными святилищами, которыя раскинулись далеко отъ Св. Софіи

— „Какіе огни мелькаютъ отъ Ильменя?“ — спросилъ я спутника: они точно маяки, зажженные на озерѣ, для обозначенія его опаснаго устья“

„Это огни на судахъ, стоящихъ у входа въ озеро, отвѣчалъ онъ. Иногда цѣлый огненный флотъ тянется ночью мимо Юрьева, оставляя по себѣ багровую полосу на водахъ, и мы приходимъ на берегъ любоваться живописнымъ зрѣлищемъ. Любопытно прислушаться и къ пѣснямъ, или лучше, сказать, молитвеннымъ воззваніямъ пловцевъ, когда, вырвавшись изъ бурнаго озера, входятъ они въ безопасный Волховъ. Въ нихъ отзывается бытъ стараго Новгорода и память его святилищъ, уже отъ-части не существующихъ. Первое, что представлялось выходящимъ изъ Ильменя, былъ монастырь Троицкій на Коломцѣ, противъ Перыня; теперь нѣтъ и слѣдовъ его, равно какъ и Шилова, стоявшаго въ виду

Юрьева; но еще сохранилась между рыбаками и погонщиками тяжелыхъ барокъ, которыя идутъ съ лѣсомъ изъ Старой Руссы, эта народная пѣснь, гдѣ съ именами святыхъ странно перемѣшаны и названія урочищъ:

«Троица коломица,
Перынь Богородица
Шило Святое,
Юрь монастырь,
Помогай намъ!“ ..

